

Уже в середине прошлого столетия этот факт признавался абсолютным большинством исследователей, независимо от их принадлежности той или иной школе мифоведения. Однако, оставался открытым вопрос, который казался тогда принципиальным, - вопрос о том, что же было первичным в этой взаимосвязи: возник ли миф как объяснение сложившегося ранее обряда, или же, напротив, обряд появился как ритуальная инсценировка мифа? Последнего мнения придерживалось большинство ранних исследователей (Афанасьев, Гримм и т.д.), затем на первый план выдвинулась противоположная точка зрения, потом, наконец, возникло мнение, что все, быть может, гораздо сложнее...

Исследованию отражения древних обрядов в околومیфологических текстах (волшебных сказках, например) посвящены работы выдающегося российского ученого В.Я.Проппа, внесшего значительный вклад в наше понимание данного вопроса. В 1928 году В.Я.Пропп опубликовал в небольшую, но содержательную монографию “Морфология сказки”, положив тем самым начало структурной фольклористике; около двух десятилетий спустя им был издан фундаментальный труд “Исторические корни волшебной сказки”, ставший основой принципиально нового подхода к околومیфологическим текстам, - подхода, в рамках которого такие тексты рассматриваются как отражение древних ритуалов и мистерий, и прежде всего - обрядов посвящения (инициации). Работа в этом направлении продолжается по настоящий день, о чем свидетельствует появление новых интересных работ.

В противоположном, как может показаться на первый взгляд, направлении огромная труд был совершен Мирчей Элиаде, опубликовавшим колоссальное количество работ, в том числе - более десятка монографий. Если Пропп рассматривает волшебные сказки как отражение древних обрядов, то Элиаде, напротив, работает с мифами в собственном смысле слова (т.е. со “сказаниями о богах”), рассматривая их в традиционной культуре как образец не только для конструирования ритуала, но и для, условно говоря, “магического” поведения вообще: “так как миф рассказывает о деяниях сверхъестественных существ и о проявлении их могущества, он становится моделью для подражания при любом... проявлении человеческой активности”.

Вслед за Юнгом Элиаде использует понятие архетипа, однако, дает ему собственное, принципиально отличное от юнговского, определение. Для Элиаде архетип - это не столько устойчивый образ бессознательного, сколько устойчивый мифологический мотив, воспринимаемый в традиционной культуре как “модель для подражания”. Так, например, если Юнг мог бы назвать архетипом образ предначального божества-великана, из тела которого был сотворен мир, то для Элиаде архетипом является само сотворение мира из расчлененного великаньего тела, бесконечно повторяемое в обрядах, сопутствующих “сотворению” жилища или храма. Мы, однако, склонны сохранять за понятием архетип исходное, юнговское, значение, а для устойчивых мифологических мотивов применять понятие мифологема, как то и принято в большинстве современных исследований.

Теперь же отметим, что вопрос о первичности мифа или обряда является сугубо академическим (и даже возвращает нас к вопросу о первичности курицы или яйца), поскольку внутри самой традиционной культуры он попросту не может быть сформулирован. Ученый этнолог может полагать, что сначала была принесена первая